

**ФИЛОСОФСКАЯ
АНТРОПОЛОГИЯ**

**Шамшурин
Андрей
Викторович** —
кандидат философ-
ских наук, старший
научный сотрудник
Государственного
бюджетного учреж-
дения культуры
г. Москвы «Библио-
тека истории рус-
ской философии
и культуры “Дом
А.Ф.Лосева”».
E-mail: [www.
losev-library.ru](http://www.losev-library.ru)

РУССКИЙ МИР АЛЕКСЕЯ ХОМЯКОВА

© 2015

А.В. Шамшурин, В.И. Шамшурин

И пора признать, что славянофилы были лучшими европейцами, людьми более культурными, чем многие наши западники.

Н.А. Бердяев

Алексей Степанович Хомяков (1804—1860) — крупнейший русский религиозный мыслитель, один из представителей “первой волны” славянофильства. Его начальные литературные опыты относятся к середине 20-х годов XIX века. Тогда стихи начинающего поэта высоко оценил А.С. Пушкин, отметивший его как автора нескольких “прекрасных лирических стихотворений” [2, с. 443]. А в 1831 году в одном из писем, говоря о будущем русской литературы, поэт отмечает: “Надеюсь на Хомякова” [3, с. 241].

В социально-политическом, художественном и философском смысле славянофильство Хомякова близко к консерватизму и романтизму Л. Де Бональда, Ж. де Местра, А. Мюллера, еще в начале XIX века использовавшего термин “культур-философия”, Э. Берка и др.: как и они, Хомяков особо пристально рассматривал роль культуры в историческом развитии человечества. Однако делал он это своеобразно, самостоятельно и с особым акцентом на особенности России. В полемике с П.Я. Чаадаевым, ответом на взгляды которого, во многом, является его работа “Исследование истины исторических идей” (более известная по названию, данному ей Н.В. Гоголем: “Семирамида”), он последовательно отстаивал идею самобытности и ценности русской культуры, подробно исследовал ее в режиме сравнительного анализа с другими культурно-цивилизационными образованиями, в том числе и с Западом.

А.С. Хомяков спрашивает, в чем причина долгого исторического противостояния, в том числе и политических конфликтов с Западом, не прекращающихся попыток завоеваний, которые шли постоянно и только в одном — с Запада на Восток — направлении? Почему о России на Западе пишут столько лжи и с такой злобой? Почему, — задается он вопросом, — о нас один отзыв — насмешка и ругательство; всегда к нам одно чувство — смешение страха с презрением? Не того бы желал человек от человека. Трудно объяснить эти враждебные чувства в за-

падных народах, развивших у себя столько семян добра и продвинувших так далеко человечество по путям разумного просвещения, тем более, что Европа не раз показывала сочувствие даже племенами самыми дикими. Странно, — продолжает Хомяков, — что Россия одна имеет как будто бы привилегию пробуждать худшие чувства европейского сердца. Ведь, кажется, у нас и кровь индоевропейская, как и у наших соседей, и кожа индоевропейская (а коже, как известно, дело великой важности, совершенно изменяющее все нравственные отношения людей друг с другом, — иронизирует мыслитель), и язык индоевропейский, да еще какой! Самый чистейший и чуть-чуть не индийский; а все-таки мы своим соседям не братья и не родня.

“Недоброжелательство к нам других народов, очевидно, основывается на двух причинах: на глубоком сознании различия во всех началах духовного и общественного развития России и Западной Европы и на невольной досаде пред этою самостоятельной силою, которая потребовала и взяла все права равенства в обществе европейских народов. Отказать нам в наших правах они не могут, мы для этого слишком сильны; но и признать наши права заслуженными они также не могут, потому, что всякое просвещение и всякое духовное начало, не вполне еще проникнутые человеческою любовью, имеют свою гордость и свою исключительность” [4, с. 258]. Особое место и значение в культуре и политике Хомяков придавал слову. Точнее, “языку”, который он понимал в согласии с древнерусской традицией не только как семантико-семиотическое, информационно-коммуникационное начало или формализацию мысли и не только как орган речевой деятельности, но, прежде всего, как органическое начало, культурное образование в виде определенного народа и государства¹. Причем славянству, славянской культуре присущ, по Хомякову, ярко выраженный словесный характер. Она филологична, и в этом, может быть, ее главная особенность. Славянин — это человек, владеющий словом. Причем словом особого рода — художественным, поэтически-эмоциональным, сердечным. На схожие характеристики указывали и Г. Сковорода, П.Д. Юркевич, В.С. Соловьев, П.Б. Вышеславцев и многие, многие другие.

Но каким способом изучает слово вообще и славянское слово, в частности, филолог, культуролог, философ, историк, экономист, правовед и вообще — гуманитарий? Высшее исследовательское достоинство — чувство поэта и художника. При этом внешним выражением, языковым осуществлением художественной философии является полногласие. Именно полногласие, считает Хомяков, — оригинальная и отличительная черта славянских наречий. И это качество не заимствовано ни у кого. Поэтому же самому изо всех славянских наречий самым славянским Хомяков считал русское [5, с. 43–44].

“Плагол слыть, существительное слово — вот корни названия славянин. Мы уже сказали, что в старину всякий народ заклю-

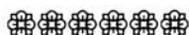
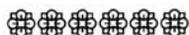
*А. Шамиурин,
В. Шамиурин
Русский мир
Алексея
Хомякова*

**Шамиурин
Виктор
Иванович** —

доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова; заведующий кафедрой социально-политических наук МФТИ. Постоянный автор журнала. E-mail: fpp@philos.msu.ru

¹ Подробнее см.: [7]

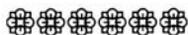
чал в свое имя свой идеал человеческого совершенства. Восточноиранское племя разделилось на две отрасли: одно по имени божественного духа, радующегося бытию (бгъ и рама, приняло прозвище бхраман (по искажению брахман), т.е. людей духовных; другие от высшего изображения понятия, от единственного орудия мирной общительности, слова, приняло прозвище людей говорящих, то есть мирных, общительных, выражающих смышленным словом невещественное сокровище мысли” [там же, с. 416]. Отсюда, по Хомякову, и названия правительственных и судебных собраний “вече” (от чего польское вициния), или речь. Отсюда, собственно, и название народа славянского.

Такие исходные в культуре, славянской культуре слова как “писать”, “читать”, “книга”, “буква”, “азбука” и прочие слова не показывают, согласно Хомякову, ни малейшего влияния чужеземного. Особо многозначительны и важны слова “книга” и “читать”. Они связаны между собой философской мыслью и представляют любопытный пример движения и перехода понятий. Выводные формы, по Хомякову, *конец, закон, спокой* (или спочин века), *искони* и так далее указывают на общее коренное начало кон, и, может быть (согласно с *искони*), коня или конь в смысле границы или предела. Конязь, князь (которого ошибочно, по мнению Хомякова, выводят из немецкого Kunig) представляет значение главы, высшего общественного чина (так как и верха в строении и перекладины над воротами и т.д.), блюстителя закона человеческого и божественного. Оттого в некоторых наречиях, слова “священник” и “начальник” одинаковы. “Точно так же, как в князе виден блюститель закона, так в книге виден самый закон, и ни один человек, знающий дух славянского словосочетания, не усомнится в правильности перехода из форм кон и коня или конь в сокращенную форму книга с опущением буквы о. Это слово имело, очевидно, значение устава, уложения или законного обычая, духовного или общественного” [там же, с. 315]. Почитать, почитанье, почтенье, по Хомякову, указывает на коренное слово читать, чтить (от которого честь), а считать, счет и другие, выведенные из того же начала, содержат в себе мысль, принадлежащую к одному и тому же разряду. Санскритское слово “чид” (понятие) объясняет все эти выводные слова, и славянское читать представляет явное значение понятия соединенного с благоговением. Таково же, по Хомякову, отношение между книгою и чтением, между законом и уважением к закону; тут еще нет ни образов, ни законов вещественных. В философия славянского языка Хомякова, как и в аналитической философии языка позднего Л. Витгенштейна (укажем на “Философские исследования”, в которых обосновывается полиморфный, а не атомарный, как в “Логико-философском трактате” объем понятий), показано, что язык — это живой организм, это деятельность, а значение — в его употреблении. Согласно Л. Витгенштейну, обозначение слов языка выявляется по способу их

употребления: “Представить себе какой-нибудь язык — значит представить некоторую форму жизни” [1, с. 86). А по Хомякову, диалектику жизни отражает человеческая воля, человеческое действие и становление в виде глагола. Слова-субъекты, сущности, отражающие сущее в жизни, суть — существительные. Такой подход Хомяков как раз и усматривает в наиболее полном виде в таких близких языках, как славянский (русский) язык и санскрит. Их жизненная суть наиболее адекватно отражается полногласием. Идеи Хомякова в этом плане будут развиваться в лингвистических работах К. Аксакова, одна из которых — “О русских глаголах” (1852) — посвящена Хомякову.

В данной связи Хомяков переходит к рассмотрению весьма деликатного сюжета, о котором до сих пор много споров в науке — о так называемой группе балто-славянских языков. Существование такой группы и сегодня признается всего лишь гипотезой. При этом многие поддерживающие ее лингвисты особо выделяют в этой группе литовский язык. Для Хомякова такая позиция совершенно неприемлема. Здесь налицо очевидная “ошибка западных ученых, которые, по какому-то странному ослеплению, благоволили счесть литовское наречие представителем бесконечной области славянской” [5, с. 394]. По Хомякову, причины подобных ошибок могут быть грустным наследством прежних темных веков: потомки угнетателей, сами не замечая того, еще находятся под неразумным влиянием страстей, некогда волновавших их предков-германцев, чьи дружины подчиняли и поработщали славян. При этом, по неизменному нравственному закону истории “чувство вражды глубже проникает в душу оскорбителя, чем в душу оскорбленного. Оттого славяне, угнетенные и во многих местах почти уничтоженные, охотнее отдают справедливость германцам-притеснителям, чем германцы славянам” [там же, с. 395].

Вообще, согласно Хомякову, как скоро доходит дело до славян, ошибки западных исследователей, их предубеждения и предвзятость так явны, “промахи так смешны, слепота так велика, что не знаешь, чему приписать это странное явление, совершенному ли развитию духа ветвей германской и славянской, которое делает факты славянского мира непонятными для немца, или скрытой зависти, пробужденной самим соседством” [там же, с. 56–57]. Как бы то ни было, продолжает он, но почти невозможно объяснить упорное молчание Запада обо всем том, что носит на себе печать славянства: о кимврах, произвольно причисленных к германскому корню, о гетах и фракийцах западные исследователи написали и пишут несметное количество трудов, а о вендах, которые встречаются в географии Европы на каждом шагу, в истории Европы в каждом веке, — ничего, как будто их не было. В результате западные авторы впадают в постоянное противоречие сами с собою, в одно время, представляя славян как самую многочисленную из всех индогерманских семей, и, отнимая у них поочередно всех предков, так, что они

представляют нелепый вид огромного дерева без корней, что-то похожее на болезненное сновидение. Согласно подобной логике, «мы должны прийти к простому заключению: “Не было-де в старину славян нигде, а как они явились и размножились — это великое таинство историческое, — впрочем, может быть, их и теперь совсем нет на свете” [там же, с. 58].

Впрочем, новейшие течения — оживление интереса к славянской и русской культуре свидетельствуют, согласно Хомякову, о некоторых переменах: многие ученые, догадавшись, что необходимо найти средство примирить многочисленность различных славян с теориями, по которым у них предков быть не должно, решили, что действительно первоначальных славян было весьма мало, но что в славянстве есть какая-то тайная сила ассимиляции, что-то очень похожее на заразу» [там же, с. 60]. Надо отдать должное объективности и беспристрастию позиции Алексея Степановича: он признает и крайность противоположной установки по отношению к славянской и русской культуре. “Славянские ученые, приведенные в совершенное отчаяние писателями западными, ополчились в пользу своих предков; но увлеченные сперва необходимостью собственной защиты, а потом страстью и мщением, они переступили все границы здоровой критики и стали действовать по законам возмездия, отнимая у германцев их предков до одного человека и их землю до малейшего клочка. Писатель, впрочем, гениальный, объявил даже франков славянами ... Тут-то всякая страсть увлекает в ошибки совершенно детские и помрачает самый ясный взгляд!” [там же, с. 62]. Звучит чрезвычайно актуально и сегодня!

По Хомякову, все эти ошибки — и западнические, и славянофильские — происходят от ложного мнения, пусть и не декларируемого открыто. Это мнение, что каждый древний народ составлен из одной какой-нибудь стихии и принадлежит лишь к одной семье человеческой. Следствием такой теории как раз и является то, что самый беспристрастный критик делается невольно рабом какой-нибудь скрытой страсти или системы, произвольно принятой его “детским легковерием”. Сам же Хомяков утверждал совершенно противоположное: в соответствии со своими взглядами на язык, письменность, культуру, народ как на живой организм, развитие, **полногласное слово**, он утверждает: нет чистых рас, нет чистых религий. “Одностихийных народов в истории почти не встречается”. Сегодня это в науке общее место, но во времена Хомякова дело обстояло по-другому и потому для него “ошибки историков покажутся вполне естественными” [там же, с. 63].

Особо отмечал Хомяков поэтичность, душевность и исконную демократичность русской культуры. “Я знаю, что даже многие из моих соотечественников желали бы видеть в нас начала аристократические и родовую гордость германскую, надеясь найти в них защиту от влияния иноземного и будущее раз-

витие гражданской свободы (на манер английской) и проч., и проч. Но чуждая стихия не срастется с духовным складом славянским. Мы были, как всегда и были, демократами между прочих семей Европы; мы будем представителями чисто человеческого начала, благословляющего всякое племя на жизнь вольную и развитие самобытное. Законы могут создать у нас на время родовое дворянство, может быть и родовое боярство, могут учредить у нас майоратства и право семейного первородства; ложное направление народности в литературе может раздуть в нас слабую искру гордости и вселять безумную мечту первенства нашего перед нашею братиею, сыновьями той же великой семьи. Все это возможно. Но невозможно в нас вселить то чувство, тот лад и строй души, из которого развиваются майоратство и аристократия, и родовое чванство, и презрение к людям и народам” [там же, с. 99]. Часто (не только во времена Хомякова, но и сейчас) можно услышать, что славяне, Россия не имеют ни истории, ни культуры, ни преданий. Не знает ли это, вопрошает Хомяков, что, скажем, Россия “не имеет ни корня, ни основы, ни русского духа, не имеет ни прошедшего, ни даже кладбища” (Заметим, кстати, что сама “Семирамида” была написана Хомяковым в ответ на появление в сентябре 1836 года в “Телескопе” “Философического письма” П.Я. Чаадаева, где основная проблема будущих взглядов Хомякова поднималась негативно: “Мы существуем как бы вне времени, и всемирное образование человеческого рода не коснулась нас” [6, с. 508.] “Надо знать только историю салонов, чтобы быть до такой степени несправедливым. Виновата ли летопись старого русского быта, что ее не читают?” [5, с. 455].

К сожалению, не читают не только летописи. И прежде, и теперь не принимают в расчет, не “учитывают” многие памятники, которые образовывали ум и душу славянской и русской культуры. “Ни одно царство, возникшее из средних времен, не представит нам памятников XI столетия, подобных Слову Игоря, Посланию Даниила к Георгию Долгорукому и многим другим сочинениям на славянском языке, даже и IX, и X столетий. Есть ли у кого из народов Европы, кроме шотландцев, подобные нашим легенды и песни? У кого столько своей, родной души? Откуда вьются эти звонкие, непостижимые по полноте чувств, голоса хороводов? Прочтите сборник Кирилла Данилова древнейших народных преданий-поэм. У какого христианского народа есть Нестор? У кого из народов есть столько ума в пословицах? А пословицы, не есть ли плод пышной давней народной жизни?” [там же].

Конечно же, подобные высказывания могут показаться слишком сильными — да ведь, и были-то они вызваны не менее сильными высказываниями — противоположного свойства. Хомяков с позиции своей концепции славянской полногласной словесности утверждает, что при всех возможных исторических изменениях, образование — это, прежде всего,

внесение “образа и подобия” Божия, и в России оно было связано с усвоением христианской культуры. Мы можем насчитать по крайней мере четыре периода христианского образования России. Апостол Андрей — Св. Кирилл и Св. Мефодий — княгиня Ольга и Святой равноапостольный князь Владимир.

Как известно, в культуре, а, следовательно, и в образовании России письменность, словесность неотрывно связаны с деятельностью Святых Кирилла и Мефодия. Но быстрое усвоение его и чуть ли ни мгновенное появление великолепнейших культурных памятников свидетельствует: усваивалась письменность, в которой просветители учли органику традиционной славянской культуры. Только в этом жизненность истинных реформ — творчество нового на основе достижений прошлого. По Хомякову, русская идея как культурная традиция — это представление о нравственном совершенстве, типе праведности или святости, эмоциональная отзывчивость на нравственный поступок. В этом смысле особенность русской идеи, по мнению того же А.С. Хомякова, или В.С. Соловьева, или С.С. Аверинцева — в православно-христианской культуре — и богословской, и письменной. В любом (и христианском, и языческом варианте культуры) это свойство русской идеи может быть определено как “художественно-поэтическое” (“художественное чувство”, по удачному выражению А.С. Хомякова, выражающее в полногласии суть славянского и русского языка) или “фабулаторное” (по не менее удачному выражению Э. Дюркгейма, когда он говорил об эмоционально-художественных, а не рационально-прагматических типах культур).

Это свойство русской культуры представлялось, представляется и, вероятно (к сожалению!), еще долго будет представляться то “загадочной”, то “парадоксальной”, то “непонятной”, а то и просто “абсурдно-опасной” и, как следствие — “агрессивной”, “оккупантской”, “экспансионистской” и “империалистской” (т.к. “непонятной”). Все это — следствия отвлеченно рационалистического и чисто светско-просветительского подходов к анализу русской идеи без внимания к традиции “духовной гигиены” эмоционального, интуитивного человеческого общения, идущей от отцов Восточного православного христианства, традиции, “кардиогнозиса” (сердцеведение) и “кардиогностэс” (сердцеведы). Эта традиция в большинстве случаев не учитывается разного рода исследователями русской культуры, политиками (Р. Пайпс, А. Валицкий, З. Бжезинский, Г. Киссинджер, А. Янов и др.) В результате — не только неадекватные пристрастные и предвзятые экспертные оценки русской культуры, но и неадекватные политические реакции и рекомендации.

Согласно культурной традиции кардиогнозиса, значимой прямо или косвенно для очень многих и многих русских мыслителей (в частности, для А.С. Хомякова), из истинных духовных основ и целей неизбежно вытекает и иерархичность чело-

веческой жизни, необходимость подчинения худших лучшим. Однако и сильные, богатые, умные и добродетельные призваны оказывать помощь, служить и снисходить, сердечно сострадать слабым, бедным, глупым и грешным. И в этом — тоже “иерархия” русской идеи. А в итоге русская идея утверждает соборное, сретенное служение всех общему закону жизни, уважение всякой человеческой личности, сердечное, братское к ней отношение. Это, несомненно, и имел в виду Хомяков, когда говорил о природном демократизме славянской и русской культуры. Таково “полногласие славянской и русской культуры” А.С. Хомякова о соотношении отдельного народа как части и семьи народов как целого.

Взгляды Хомякова окажут в дальнейшем большое влияние на русскую мысль и на русскую историю и по постановке вопросов и по сути. Например, на “метафизику всеединства” В.С. Соловьева, на “пять великих романов”, “Дневник писателя” и другие работы Ф.М. Достоевского и много на что еще. Не случайно Хомякову посвящали специальные работы такие известные мыслители, как Н.А. Бердяев, В.В. Розанов, П.А. Флоренский. “Образ русского мыслителя никого не оставлял равнодушным и сами многочисленные нападки на него — и слева, и справа, и от либералов, и от консерваторов — показывают силу влияния идей А.С. Хомякова на русское общество” [8, с. 6]. Вместе с тем значимость Хомякова в том, что он как никто глубоко проанализировал постоянные в России стремления (порой чересчур “сердечно-эмоциональные”) к социальной справедливости путем модернизаций, революций, реформ и т.д. Как подчас проводилась эта “соборная” или “симфоническая” устремленность к гармонии — со стороны “слабых и бедных” или “сильных, богатых и благородных”? Кто из них считался и считается призванным в первую очередь в деле общего служения — другой вопрос. Но по крайностям русской идее и по ее “искажениям не судят о сути доктрины, как по наличию плохих хирургов — о необходимости хирургии”, — говорил один из внимательнейших к Хомякову авторов, — В.С. Соловьев.

Литература

1. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч.1. М., 1994. С. 86.
2. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. М., 1995. Т. 8. С. 443.
3. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. М., 1996. Т. 14. С. 241.
4. *Хомяков А.С.* Мнение иностранцев о России // Хомяков А.С. Учение о Церкви. СПб.: Русская симфония, 2010.
5. *Хомяков А.С.* Сочинения в 2-х т. М.: Медиум, 1994. Т. 1.
6. *Чаадаев П.Я.* Сочинения. М., 1989. С. 508.
7. *Шамиурин А.В., Шамиурин В.И.* Концепция слова А.С.Хомякова // Человек. № 2. 2004. С. 112–122.
8. *Шапошников Л.Е.* Глашатай новаторского традиционализма // Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков. М.: Высшая школа, 2005. С. 6.